

Сестра четырех

Автор:

Евгений Водолазкин

Сестра четырех

Евгений Германович Водолазкин

Сестра четырех #1

«В связи с нынешней пандемией на каждой стране, каждом городе и каждом деревенском клубе висит амбарный замок. Возникает дерзкая догадка: а, может, дело не в вирусе? Может, дело как раз-таки в замках? Время снимать замки – и время их развешивать. Может быть, глобализация достигла той степени, когда все ждут повода, чтобы закрыть дверь?»

Эти и другие вопросы решают четыре пациента инфекционной больницы имени Альбера Камю. Они еще не знают, что на этом пути их ждут большие открытия».

Евгений Водолазкин

Евгений Германович Водолазкин

Сестра четырех

© Водолазкин Е.Г.

© ООО «Издательство АСТ»

Драматургия прозы

Между прозой и драматургией – если не пропасть, то внушительных размеров овраг. Преодолеть его отваживается редкая птица – с какой бы стороны она ни летела. Есть случаи, когда прозаик и драматург соединяются в одном лице, но это вовсе не говорит о сходстве двух стихий. Скорее уж – о раздвоении личности пишущего.

У прозаика много разных инструментов, и один из них – речь героев. У драматурга этот инструмент – единственный. Это различие, однако, не ставит под вопрос равенство возможностей. Да, оркестр может выразить больше, чем скрипка, но есть вещи, которые в своем одиночестве способна передать только она. Звучание речи героев в отсутствие портретов-пейзажей пронзительно, и прозаика это заставляет задуматься.

Приходит неизбежное прозрение, что действительность ни портретов, ни пейзажей не описывает. Она предоставляет их в реальном виде и вообще пользуется тем, что в прозе называется прямой речью. Ища сближения с действительностью, прозаик обращается к диалогам. Таково, если вкратце, объяснение моих особых чувств к драматургии.

Несколько слов о публикуемых пьесах.

«СЕСТРА ЧЕТЫРЕХ» посвящена пандемии, закрывшей на замок все мыслимые города и государства. Возникает дерзкая догадка: а может, дело не в вирусе? Может, оно как раз-таки в замке, в желании его повесить? Время снимать замки – и время их развешивать. Может быть, глобализация достигла той степени, когда все ждут повода, чтобы закрыть дверь? Эти и другие вопросы решают четыре пациента инфекционной больницы имени Альбера Камю. Они еще не знают, что на этом пути их ждут большие открытия.

«ПАРОДИСТ». По пути из загородного дома в город погибает известный петербургский артист. Спустя три года начинается странное выяснение обстоятельств его смерти. В ходе следствия обнаруживается, что любовь порой живет меньше трех лет, что пародист – профессия опасная, так как удваивает сущности, а перемещения в пространстве – это в конечном счете движение по кругу.

Пьеса «МУЗЕЙ» – не историческая и не социальная. Жанр ее я определяю как трагифарс – при этом с развитием действия фарс испаряется, остается трагедия. Грустная повесть о том, как поссорились «два единственные человека, два единственные друга». Герои – Сталин и Киров, место и время действия – СССР тридцатых годов. Я мог бы их назвать, допустим, Соловьевым и Ларионовым, но тогда пришлось бы отдельно объяснять, что один – волевой, а другой – не очень. Я был бы рад поместить моих героев на Луну образца 2020 года, но тогда требовалось бы рассказать, отчего в этот момент там сложилась такая безрадостная атмосфера. Обычно я избегаю писать об исторических лицах, потому что реальный контекст отвлекает. Речь ведь идет не о конкретных людях, а о человеческих типах.

Пьесу «МИКРОПОЛЬ» отличает заметный древнегреческий акцент. В небольшом, как следует уже из названия, городе должны состояться выборы городского главы – событие, известное еще античным демократиям. Эта тема неожиданным образом переплетается в пьесе с темой долевого строительства. И хотя Античности она была известна меньше, чем нам, ритм действия задается Хором обманутых дольщиков. Основной же движущей силой, как во все времена без исключения, становится любовь.

Мои пьесы – не попытка преодолеть пресловутый овраг. В драматургических опытах я остаюсь прозаиком – со всеми плюсами и минусами этого положения. Мысленно создаю некую литературную конструкцию, от которой потом отсекаю многие ее прозаические составляющие (не все).

Герои этих текстов несут на себе родовые пятна прозы. Слово они предпочитают действию, интересную беседу – драматургической целесообразности, ну и, понятное дело, верлибр – сонету.

Этот странный жанр я бы определил как пьесы для чтения. На избранном пути я не первый и, думаю, не последний. В конечном счете на свете очень мало вещей вне традиции. Почти нет.

Сестра четырех

Пьеса в 2-х действиях

Действующие лица:

ФУНГИ, 35 лет

ПИСАТЕЛЬ, 64 года

ДЕПУТАТ, 43 года

ДОКТОР, 41 год

МЕДИЦИНСКАЯ СЕСТРА, неопределенного возраста

ПСИХИАТР, дама без возраста

ПОЛИЦЕЙСКИЙ, мужчина в расцвете лет

Первое действие

Утро. Окраина города. Четырехместная палата в инфекционной больнице имени Альбера Камю. За стеной палаты время от времени раздается стук топора.

На одной из кроватей в больничной пижаме сидит Фунги и слушает радио.

В палату входят Доктор, Сестра и Писатель.

РАДИО. Передаем выпуск последних известий.

СЕСТРА. Доброе утро, больной.

ФУНГИ. Какое же оно доброе, если объявили, что известия последние. Последние, понимаете? Больше их уже не будет. Не будет ничего. Вот это вирус!

РАДИО. Поставлен новый антирекорд в Ломбардии: за минувшие сутки от коронавируса скончались 960 человек.

СЕСТРА. Больной, знакомьтесь – ваш новый сосед...

ФУНГИ. И что это вообще за манера – человека называть больным?

ДОКТОР. Хорошо, будем называть вас здоровым.

ФУНГИ. Называйте меня просто – Фу?нги.

ДОКТОР. Фунги? Отлично. Что значит Фунги?

ПИСАТЕЛЬ. Фунги – это сорт пиццы. (Фунги.) С грибами, правильно?

ФУНГИ. Так точно, с грибами. А то нашли обращение – больной. Я себя, может, лучше вас всех чувствую. Температура 36 и 6. (Показывает термометр.) Доктор, это как, не очень высокая? У меня, Доктор, 36 и 6.

ДОКТОР. Не может быть!

СЕСТРА (подойдя к Фунги, кладет ему руку на лоб; обращается к Доктору). Я думаю, 38 и 5 – не меньше.

ДОКТОР (Фунги). В заблуждение вводить изволите?

СЕСТРА. Да о его лоб можно спички зажигать. (Берет из рук Фунги термометр.) Что интересно: 36 и 6. Как вы мерили температуру?

ФУНГИ. Под мышкой, как во всём нашем государстве. А за границей, между прочим, иначе меряют. Например, во рту. А еще...

ДОКТОР. Ограничимся ртом – это целых три минуты вашего молчания. За те дни, что вы здесь, мы уже слегка обалдели.

СЕСТРА. Если бы сейчас у вас во рту был термометр, я бы давно уже представила вам нового соседа.

ФУНГИ. Не надо представлять – сам угадаю. Вы – профессор. Скорее всего, юрист. Угадал?

ПИСАТЕЛЬ. Нет.

ФУНГИ. Сестра, не подсказывать! Доктор, вас это тоже касается. (Писателю.) Внешность у вас неяркая. Вид, простите, довольно потертый. Инструктор по технике безопасности?

ПИСАТЕЛЬ (смеется). Ни в коем случае!

ДОКТОР (Фунги). А кто, если не секрет, по профессии вы? В карточке больного я об этом ничего не нашел.

ФУНГИ. А вы уж и рылись! Уж искали. Позор! (Закидывает ногу на ногу.) Я занимаюсь ритейлом продуктов питания.

ДОКТОР. И каких же, интересно, продуктов?

ФУНГИ. В основном – пицца. С детства ее любил, у меня и кликуха была – Фунги.

СЕСТРА. Вы ее производите?

ФУНГИ. Нет. Не совсем. Я, короче, решаю логистические задачи. Конкретно – транспортные. Прокладываю маршруты, веду переговоры. Моя работа – это клиенты, расчеты и груз ответственности.

ПИСАТЕЛЬ. Если коротко – доставка пиццы. Район – Заречье. Верно?

ФУНГИ. М-да... Вы очень информированы – откуда бы это? Но вы даже не представляете, насколько сужаете пространство нашей деятельности. Мы обслуживаем и другие районы.

Доктор и Сестра улыбаются.

СЕСТРА. Вы действительно развозите пиццу?

ФУНГИ. Я мог бы, конечно, сказать – да... Наверное, я так и скажу, хотя это всё дико упрощает. Взять хоть те транспортные средства, которыми приходится управлять. Они особенные, не похожи на другие автомобили.

ДОКТОР. Это что же за марки такие?

ФУНГИ. Да какое это имеет значение? Важно, что они особенные, понимаете?

СЕСТРА. Нет, а все-таки! Люблю особенные вещи – у них должны быть и особенные названия!

ФУНГИ. Ну, допустим, трехколесный грузовой мотороллер. Марка – «Муравей».

ДОКТОР (хохочет). «Муравей»!

ФУНГИ. Не вижу ничего смешного. Очень маневренная машина. Гораздо маневреннее того же «Ягуара», хотя скорость, конечно, поменьше. Это надо честно признать.

ДОКТОР (вытирает слёзы). За что ценю вас – так это за честность.

СЕСТРА. Зато теперь мы знаем, что «Ягуар» быстрее трехколесного грузового мотороллера «Муравей».

ПИСАТЕЛЬ. Не обязательно. В центре города с его пробками «Муравей» обычно быстрее «Ягуара». Вы же умеете объезжать эти пробки, господин Фунги?

ФУНГИ (Писателю). И всё-то вы знаете... Теперь я понимаю, что вы – не профессор. Я думаю, вы – самый обычный шпион.

ПИСАТЕЛЬ. Да. Меня прислали следить за вами.

ФУНГИ. А можно узнать, кто именно? Американцы, англичане, немцы?

ПИСАТЕЛЬ. Итальянцы. Их интересует секрет русской пиццы.

ДОКТОР (Писателю). Похоже, вы и в самом деле о нашем Фунги что-то знаете.

ПИСАТЕЛЬ. Я живу в том же Заречном районе, и пару раз он доставлял мне пиццу. Я его запомнил.

ФУНГИ. Интересное кино! Почему же вы меня запомнили, а я вас – нет?

ПИСАТЕЛЬ. Очень просто: вы тогда всё время говорили, а я молчал. Запоминает тот, кто молчит.

ФУНГИ. Стоп-стоп-стоп. Я вспоминаю. Вспоминаю полки с книгами... Я знаю, кто вы. (Рука Фунги рисует в воздухе эллипс.) Вы... Вы...

СЕСТРА. Это будет продолжаться бесконечно.

ФУНГИ. Молчите!!!

СЕСТРА. Он – писатель.

ФУНГИ. Ну, я же просил... Я же вас так просил – не подсказывать! Конечно, писатель! У меня у самого это на языке было. (Показывает язык.)

ДОКТОР. Не нравится мне ваш язык. Покажите еще раз. (Фунги показывает язык.) Совсем не нравится. (Пишет в истории болезни:) Я-зык об-ло-жен. (Фунги.) Я бы на вашем месте его не очень распускал. Так. Скажите: а-а-а.

ФУНГИ. А-а-а... Что, и мое «а-а-а» вам не нравится?

СЕСТРА. Пока что «а-а-а» – это лучшее из того, что вы сказали.

ФУНГИ (Писателю). Опишете это издевательство? Просто сил нет.

СЕСТРА. Очень вы ему нужны! Это – известный Писатель. Широко известный. Уж поверьте, ему есть что описывать. Например, нашу инфекционную больницу имени Альбера Камю, ее врачебный коллектив и (показывает на Доктора) лично главврача. Поскольку весь врачебный коллектив слег с вирусом, главврач лично занимается осмотром больных.

Раздается стук топора за стеной.

ПИСАТЕЛЬ. А что это за стук?

ДОКТОР. Это расширяется наша больница.

ПИСАТЕЛЬ. Но это же стук топора! Вы хотите сказать, что расширение такой передовой больницы осуществляется с помощью топора?

ФУНГИ. Топор – это глубоко вчерашний день. Я не понимаю, как современное здание можно возводить топором.

СЕСТРА (Писателю). Вы намекаете на то, что там делают гробы?

ПИСАТЕЛЬ. Я ничего не говорил о гробах.

СЕСТРА. Но это ведь подразумевается; что же вы меня за девочку-то держите? Почему все вы только и делаете, что думаете о гробах? (Речь ее неожиданно прерывается рыданиями.) Все вы, наверное, считаете, что во время пандемии производство гробов переносят поближе к больнице?

ФУНГИ. Что ж, в этом есть своя логика.

СЕСТРА (Фунги). Замолчите сейчас же! Это совершенно дилетантский взгляд на вещи. Могу вас разочаровать: во время больших эпидемий хоронят без гробов. Просто в общей могиле.

ДОКТОР (Сестре). Меньше нуара, милочка! Нам нужен позитивный эмоциональный фон. Уходя, призываю вас уколоть нашим друзьям витамины B6 и B12.

ФУНГИ. Вы считаете, это улучшит наш эмоциональный фон?

ДОКТОР (в дверях). По крайней мере, освежит.

Доктор выходит. Сестра наполняет шприцы для уколов.

РАДИО. Очередное ухудшение статистики смертей от коронавируса в Бельгии. Эта страна вышла на первое место в мире по количеству летальных исходов в пересчете на душу населения.

ПИСАТЕЛЬ. Они вообще говорят о чем-нибудь другом?

РАДИО. Пришла печальная статистика по Испании: количество жертв пандемии за сутки превысило психологически значимую черту в 1000 человек. Как сообщил на пресс-конференции главный инфекционист Испании господин Гонсалес, до пика кризиса в этой стране еще далеко.

ФУНГИ. Карамба!

СЕСТРА (Писателю). У него прекрасное испанское произношение. Такому человеку как-то даже неловко делать укол.

ПИСАТЕЛЬ. «Весь я – в чем-то норвежском! Весь я – в чем-то испанском!» Предлагаю красиво одеться и отбыть в Испанию.

ФУНГИ. С пиастрами проблема.

СЕСТРА. Кто первый на укол, господя? Совершенно бесплатно.

ФУНГИ. Писатель – кто же еще? Литература – на передовой.

ПИСАТЕЛЬ. При чем здесь передовая? Писатель описывает, а не воет, он – над схваткой.

ФУНГИ. Не понимаю, как можно описывать то, что не прочувствовал. Прежде чем вы опишете, допустим, укол в мой зад, вы должны подставить свой.

ПИСАТЕЛЬ. У вас ошибочное представление о природе творчества. Личный опыт убивает фантазию.

СЕСТРА. Мне ужасно неловко, но у меня два набранных шприца. Я стою перед выбором: кого колоть первым?

ФУНГИ (глядя на Сестру). То есть, если бы я сблизился, скажем, с медсестрой, то за описание любовных сцен мне было бы лучше не браться?

ПИСАТЕЛЬ. Любовные сцены – особая песня. С ними вообще мало кто справляется.

СЕСТРА. Не говоря уже о медсестрах.

ФУНГИ. Моя жена – воспитатель в доме престарелых. И ничего – справляюсь.

ПИСАТЕЛЬ. А не поздно в доме престарелых воспитывать?

СЕСТРА. Воспитывать никогда не поздно. Фунги, снимайте штаны и ложитесь на живот. Колем В6.

ФУНГИ (раздеваясь). Это травматично. В6 – ух какой неприятный укол. Предлагаю колоть В12.

СЕСТРА. Я колю вам то, что предписано. (Показывает Фунги лист назначений.)

ФУНГИ. Не будьте бюрократом! Если мы с вами сблизимся, это будет стоять между нами.

СЕСТРА. Сближайтесь лучше с вашей женой. (Делает укол – Фунги вскрикивает.) Должна вам сказать, что она вас плохо воспитывает.

ПИСАТЕЛЬ (снимает штаны). Мне тоже В6?

СЕСТРА (смотрит на него испытующе). Вам – В12.

ФУНГИ. Хорошо быть писателем... Скажите, Писатель, у вас есть жена?

ПИСАТЕЛЬ. Есть. То есть – была. На прошлой неделе она от меня ушла.

Сестра раздражается истерическим смехом. Писатель и Фунги смотрят на нее с удивлением.

СЕСТРА. Простите. Это, конечно, не смешно.

ФУНГИ. Она ушла к другому?

ПИСАТЕЛЬ. Нет, просто ушла.

ФУНГИ. Вы ее били? Ну, так, легко, по-писательски?

ПИСАТЕЛЬ. Да в общем – нет.

СЕСТРА. Не могу понять, когда баба от мужика уходит. Вот, верите ли, – не могу.

ФУНГИ. Ну, может, были какие-то причины, о которых мы не знаем? Ну, вы меня понимаете...

СЕСТРА (Фунги). Послушайте, вы переходите все границы! Мы не можем спрашивать про подобные вещи, потому что всё, что касается интима, это...

ФУНГИ. Интимно. Вы случайно не импотент?

ПИСАТЕЛЬ. Нет. Случайно.

ФУНГИ. Что мы имеем в сухом остатке? (Загибает пальцы.) Писатель. Не бил. Не импотент... Получается, что вы ей изменяли.

ПИСАТЕЛЬ. «Скачет птичка весело? по тропинке бедствий, не предвидя от сего никаких последствий». Я не поставил ботинки в шкафчик для обуви. По-вашему, это может быть причиной для разрыва?

СЕСТРА. Это как посмотреть.

ПИСАТЕЛЬ. Она сказала, что устала от моего неряшества. Я сказал: устала – давай расстанемся.

СЕСТРА. А она?

ПИСАТЕЛЬ. Оделась и ушла. Понимаете, это такая спираль зла, когда каждый следующий виток гораздо выше предыдущего. Гораздо выше.

ФУНГИ. Может быть, я даже доставлял ей пиццу. Да – точно доставлял.

СЕСТРА. Тогда часть вины лежит и на вас. Вы накормили женщину пиццей, после которой она ушла от мужа.

ФУНГИ. А если я ее попрошу – она вернется?

ПИСАТЕЛЬ. Нет, не вернется. Ну, разве что – к вам.

ФУНГИ. Но у меня уже есть жена. Она такая... Она просто сумасшедшая. Никогда не знаешь, что она сделает. Упаковывала, допустим, пиццу. Еще до нашей женитьбы. Ну, хорошо. Везу я пиццу заказчику, ничего не подозреваю. Он берет

коробку, протягивает чаевые. Я говорю: «Спасибо, не нужно», – но чаевые беру. Заказчик открывает коробку и смотрит на меня – ну, в общем, странно так смотрит. Там – книга и открытка, – ну, типа, с пожеланием.

ПИСАТЕЛЬ. Что за книга?

ФУНГИ. Роман Горького «Мать».

СЕСТРА. А пожелание – какое?

ФУНГИ. «Подателя сего сжечь».

ПИСАТЕЛЬ. Бескомпромиссно...

СЕСТРА. То есть, как это – сжечь? Вы должны были потребовать у нее объяснений! Почему сжечь?

ФУНГИ. А почему роман «Мать»? Вы ее не знаете – она никогда не станет ничего объяснять.

ПИСАТЕЛЬ. И как же вы поступили?

ФУНГИ. Я на ней женился.

Вечер. Больничная палата.

РАДИО. Передаем вечерние новости. Сегодня опубликована статистика по жертвам коронавируса в США.

ПИСАТЕЛЬ. Давайте выключим, а? Я здесь уже четвертый день – и ничего другого пока не слышал.

ФУНГИ. Неужели четвертый?

ПИСАТЕЛЬ. А может – шестой. В замкнутом пространстве время не чувствуется.

Фунги выключает радио. За стеной слышен стук топора.

ФУНГИ. Они работают в три смены. Круглые сутки. Слышите, как топор ходит?

ПИСАТЕЛЬ. Все-таки и у нас умеют работать быстро.

ФУНГИ. Может, действительно, гробы делают? Отчего-то же Сестра расплакалась...

ПИСАТЕЛЬ. Вы заметили: она сидит у нас все дни напролет. У нее что – других пациентов нет?

ФУНГИ. Мне показалось...

ПИСАТЕЛЬ. Что?

ФУНГИ. Что я ей понравился. Что она, типа, ищет со мной близости.

ПИСАТЕЛЬ. Тогда это всё объясняет.

ФУНГИ. Необъяснимых вещей на свете нет. (Достает из рюкзака бутылку водки.) Если хорошо подумаете, вы найдете объяснение всему. (Ставит на тумбочку две жестяные кружки и разливает в них водку.)

ПИСАТЕЛЬ. Ого!

ФУНГИ. Это не ого – ого было, когда я сюда въезжал. Но день за днем, предаваясь мыслительной деятельности, я незаметно для себя выпил значительную часть. И теперь предлагаю допить оставшееся. Мы должны встретить вирус во всеоружии! Что говорит на этот счет литература?

ПИСАТЕЛЬ. Литература не возражает.

Чокаются, пьют.

ПИСАТЕЛЬ (задумчиво допивает содержимое кружки). Удивительное дело – сейчас во всём мире объявлено чрезвычайное положение. Закрыты школы, театры, магазины – всё, что способно закрываться. Мир остановился.

ФУНГИ. Так ведь сейчас пандемия. Пан-де-ми-я – звучит, как оркестр. В чем здесь непонятка?

ПИСАТЕЛЬ. А вот в чем: отчего мир остановился именно сейчас?

ФУНГИ. Подождите. Для начала выпьем. (Пьют.) Отвечаю вопросом на вопрос: а почему моя жена вместо пиццы положила в коробку «Мать» Горького? (С шумом нюхает рукав пижамы.) Мать-перемать! В мире должны быть тайны. (Берется за бутылку.)

ПИСАТЕЛЬ. Не много ли?

ФУНГИ. Там осталось всего ничего. Жена говорит: на дне – слёзы, нельзя их оставлять.

Чокаются, пьют.

ПИСАТЕЛЬ (занюхивая рукавом). Я не всё выпил. Там совсем не на дне было, хороших полбутылки. Какие же это слёзы?

ФУНГИ. Знаете, Писатель, ведь с этой заразой всё на самом деле ясно. Кто-то создавал боевой вирус, не закрутил банку – и вот, пожалуйста: результат.

ПИСАТЕЛЬ. Возникает законный вопрос: кто создавал этот вирус? И кто не закрутил банку?

ФУНГИ (приглушенным голосом). Пока понятно лишь одно: кто-то не закрутил. Может, в туалет вышел или, там, покурить. Банка опрокидывается сквозняком – дзынь! – и весь мир стоит на ушах. Послушайте! (Хлопает себя по лбу.) Как я до этого сразу не додумался? Банку закручивать не собирались. (Лезет в рюкзак, достает вторую бутылку.)

ПИСАТЕЛЬ. Но мы ведь уже допили слёзы! Новая бутылка не планировалась.

ФУНГИ. Это форс-мажор. Дело государственного значения. (Разливает водку по кружкам.) Сейчас мы выпьем, и я скажу что-то очень важное. Под запись.

Чокаются, пьют.

ПИСАТЕЛЬ. У меня нет ни бумаги, ни ручки.

ФУНГИ. А еще писатель! Тогда пишите на телефоне. Так вот. Незвестный диверсант, гуляя по Великой китайской стене, подложил банку с вирусом под один из зубцов.

Писатель включает мобильник и пишет.

ПИСАТЕЛЬ. ...под один из зубцов. Я не помню, есть ли на этой стене зубцы. На кремлевской есть, а на китайской – не помню.

ФУНГИ. Я тоже не помню. Ладно, давайте по-другому. Пишите. Этот тип запек карасей в сметане, густо посыпал их вирусами из банки и, приклеив усы, отправился раздавать на площадь Тяньаньмэнь.

ПИСАТЕЛЬ (пишет). ...Тяньаньмэнь. Какой, однако, тонкий расчет! Усатый человек раздает на площади карасей в сметане – что может быть естественнее? Только кем же был этот диверсант?

ФУНГИ. Не исключается инопланетный след. Не будем показывать пальцем, чтобы никого не обидеть, но, по свидетельствам очевидцев, в походе незнакомца было что-то неистребимо марсианское. Остаток содержимого банки диверсант высыпал в Янцзы – всё до последнего вируса. Или в Хуанхэ, что одно и то же.

ПИСАТЕЛЬ. Здесь с вами можно поспорить.

ФУНГИ. Да бросьте вы! Зачем спорить по таким пустякам? (Разливает, пьют.) Так вот, пишите: спустя час случайный прохожий по фамилии Сунь подошел к реке.

ПИСАТЕЛЬ. ...подошел к реке. Есть. Подозреваю, что сунул в реку руку. Сунул ведь?

ФУНГИ. Хуже. Он вошел туда целиком.

ПИСАТЕЛЬ. Зачем?

ФУНГИ (разливает). Не знаю... Может, уронил туда что-нибудь. Например, томик Мао. Или тот же китайский зонтик. Вырвало ветром из рук и – привет!

ПИСАТЕЛЬ. Нет, скорее всего, он уронил туда драгоценную шпильку, которую нес жене. Я думаю, его жену звали Баожей, что значит «драгоценная шпилька». Так что с Сунем?

ФУНГИ. Ну, выловил он драгоценную шпильку и возвращается, типа, домой. Мокрый, озябший. Жена его встречает, как обычно, с улыбкой: здравствуй, мужа мой Сунь. А у него зуб на зуб не попадает. Его, короче, колотит по полной программе. Она ему: Сунь, а, Сунь? Что ты молчишь, мужа мой Сунь? Ужин совсем остыл, мужа мой Сунь.

ПИСАТЕЛЬ. До чего точно вы передаете интонации.

ФУНГИ. А китайский этот пациент ей и отвечает: вэй, в зараженную реку входил. Вэй, у меня какой-то вирус, на корону похож. Тут выясняется, что в то самое время, когда он погружался в реку, жена его была на площади Тяньаньмэнь. Хотела, короче, купить мужу чего-нибудь на ужин. Там увидела, что раздают

карасей в сметане. Притом бесплатно. Взяла, не взвешивая, полкило.

ПИСАТЕЛЬ. А зачем платить, если дают бесплатно? Тоже ведь можно понять. Всё?

ФУНГИ. Нет! Вот такой, понимаешь, двойной удар по одной семье. Судьба... При этом Сунь и Баожей не придали своему заражению особого значения. Другьям и соседям по микрорайону рассказывали всё со смехом. В общем, пара оказалась общительной, за неделю этих хи-хи – ха-ха заразила миллиона полтора. (Наливает себе.) Между прочим, женьшеневая настойка. Выпьете? Ну, как хотите. (Пьет. Крякает.) Уже зараженная, Баожей продолжала служить в «Жэньминь жибао». В «Жэньминь жибао» не избежать рукопожатий – к сожалению, и женщинам тоже, и той же Баожей. Пожавшие пожухли и скукожились, но, отжимая в соковыжималке свежий женьшень, всё же ожили. Заражение же продолжалось... Жаписали?

ПИСАТЕЛЬ. Судя по стилю, вы злоупотребили женьшенем.

ФУНГИ. Возможно. Сохраните и скопируйте в почту. Надо бы назвать как-то.

ПИСАТЕЛЬ. Сейчас. Э-э-э... «Ты помнишь, как всё начиналось»?

ФУНГИ. Нет. Давайте – «Заразительный смех» или что-то в этом роде. Теперь остается найти адрес Министерства по чрезвычайным ситуациям. Пошлем нашу бумагу туда, потому что ситуация складывается чрезвычайная.

ПИСАТЕЛЬ (роняет голову на руки). Я не понял одного – в чем состоит цель нашего письма?

ФУНГИ. Не надо во всём искать какую-то цель. Есть вещи, которые делаются без цели. Просто из любви к прекрасному. Нашли адрес? (Замечает, что Писатель спит.) Вот те на: а он спит! (Вынимает из руки Писателя телефон. Набирает на телефоне адрес.) Так: МЧС. Копии: МВД, МИД, Росатом, Роскосмос... Отправляю. Он спит, а я бодрствую. Один – за весь мир в ответе.

Утро. Фунги спит, сидя на стуле, Писатель – положив голову на стол.

РАДИО. В Японии объявлено чрезвычайное положение. На фоне эпидемии коронавируса эта страна казалась оазисом. Включаем нашего корреспондента в Токио.

Стук топора за стеной звучит, как барабанная дробь. Маршевым шагом в палату входят Доктор, Сестра и Депутат в больничной пижаме и с сумкой в руках.

ДОКТОР (Депутату). Проходите, господин депутат. (Оглянувшись на Фунги и Писателя) Ого, вы уже встали?

ФУНГИ (не открывая глаз). Нет, мы еще лежим. И вообще, что за шум? Почему всё нужно делать через скандал?

СЕСТРА. Мы имеем честь принимать народного Депутата.

ФУНГИ. Это еще не повод так орать. (Открывает глаза и потягивается.) Что, настоящий депутат?

ДОКТОР. Настоящий? А какой же еще? Какая бестактность!

ДЕПУТАТ (улыбаясь, достает из кармана пижамы удостоверение). Что ж, вот удостоверение, удостоверьтесь!

ФУНГИ (берет удостоверение и, рассмотрев, возвращает). Фотография криво приклеена. Печать тоже вызывает вопросы. На Вещевом заказывали?

Доктор и Депутат смеются.

СЕСТРА. То-то я слышу – вроде как перегаром несет. Я не очень понимаю, что? здесь вчера происходило?

ПИСАТЕЛЬ (отрывая голову от стола и прокашливаясь; у него на лбу синяк). Мы здесь готовили один документ... Мы его даже, помнится, отправили...

ФУНГИ. Стопудово отправили. Вот этой самой рукой – с вашего телефона!

СЕСТРА. Мама моя, у Писателя синяк на лбу!

ПИСАТЕЛЬ (Фунги). А вы случайно не помните – куда мы этот документ отправили? И вообще, хотелось бы знать, о чем он.

ФУНГИ. Куда – не помню. А вот о чем... О чем – тоже не помню, но равнодушных не было.

ДЕПУТАТ (прохаживаясь уверенной походкой). Так ведь без этого – какая же работа? Надо, чтобы жизнь бурлила! Чтобы копыя – ломались! Чтобы, понимаешь, столкновение мнений, неудобные вопросы...

ПИСАТЕЛЬ. Самый неудобный – куда мы это письмо отправили?

ДЕПУТАТ. Если вы посылали его с телефона, то достаточно заглянуть в телефон.

СЕСТРА. Ох ты, горе горькое... (Берет со стола вдребезги разбитый телефон.) Телефончик-то наш совсем разбит!

ДОКТОР. Что же здесь, в конце концов, произошло?!

ФУНГИ. Было, короче, живое обсуждение. В конце вечера Писатель стал клевать носом, при этом сильно разбил себе лоб. (Депутату.) А вы случайно не по поводу нашего письма?

ДЕПУТАТ. Нет, я по другому поводу.

ДОКТОР. Господин Депутат оказал нам честь лично посетить нашу больницу и пройти в ней курс лечения.

ПИСАТЕЛЬ. Неужели лично?

СЕСТРА. И даже в этой палате.

ДЕПУТАТ. А почему, собственно, в этой? Мне, как депутату, положена отдельная палата.

ПИСАТЕЛЬ. Очень демократично.

ДЕПУТАТ. А что вы думали? У меня, как депутата, большой объем работы. И мне, то есть, должны быть созданы все условия для ее выполнения.

СЕСТРА. К сожалению, это невозможно. Все палаты переполнены. У нас катастрофически не хватает мест. (Закрывает лицо руками, плечи ее вздрагивают.)

ДЕПУТАТ. Не принимайте это так близко к сердцу! Вопрос решаемый. Переведите кого-нибудь в коридор.

СЕСТРА. Мы ведь шли с вами по коридору, вы видели – там койка на койке!

ФУНГИ. Ха! Ну, так переведите их во двор. Всего делов-то! Укройте хорошенько. С тяжелобольных пусть смахивают снег. За последние недели он шел всего два раза.

ДЕПУТАТ (Доктору). А вообще – вы, конечно, недорабатываете. И об этом будет доложено начальству. За сложившуюся ситуацию я возлагаю вину лично на вас. Что вы сделали для увеличения количества отдельных палат в больнице?

СЕСТРА. Мы строим новые палаты. Слышите? (Раздается стук топора.) Все – исключительно люксовые.

ПИСАТЕЛЬ. Такое впечатление, что работа идет прямо за стеной.

СЕСТРА. Да так оно и есть, потому что ваша палата – крайняя. (Депутату.) Мне не хотелось этого говорить... Дело в том, что пришло предписание поместить вас именно сюда.

ДЕПУТАТ. Откуда пришло?

СЕСТРА. Сверху.

ДЕПУТАТ. Вот чудачка! Так сразу бы и сказали! В конце концов, почему бы и не здесь? (Кладет сумку на пустую кровать.)

ДОКТОР. Вынужден откланяться, мне на обход. Да, не забудьте сделать больному укол.

СЕСТРА. В12?

ФУНГИ. Нет, лучше В6.

ДОКТОР (после колебаний). Да, мне кажется, В6 здесь уместнее. (Уходит.)

СЕСТРА (Депутату). Я думаю, не будем затягивать с уколом. Ложитесь.

ДЕПУТАТ. А укол, простите, куда?

ФУНГИ. Все уколы она делает в одно место.

ДЕПУТАТ (ложится на кровать, спускает штаны). Я готов!

СЕСТРА (шлепает Депутата по ягодице). Расслабьтесь, больной.

ФУНГИ. Как звонко! У вашей задницы отличные акустические свойства. Вы, наверное, много заседаете.

ДЕПУТАТ. Да, приходится. Хотя временами выезжаем и в регионы. (Сестра делает укол, Депутат вскрикивает.) Вы, любезная, как-нибудь в следующий раз полегче...

СЕСТРА. Не нравится – другую сестру зовите. (Собирает инструменты и направляется к двери.) Только нет их, других-то.

ФУНГИ. А где же они?

СЕСТРА. Кто уволился, а кто умер. (Истерически хохочет.)

ПИСАТЕЛЬ (после паузы). Так что же, вы – одна такая? На всю больницу?

СЕСТРА. Одна. И на всю больницу. (Выходит.)

ДЕПУТАТ (расхаживает по палате). Проблема... Пока мы не решим вопросов демографии, мы не решим ни одного важного для страны вопроса. Ни одного! Дело ведь не только в том, чтобы зачать ребенка. Это – сколько угодно! Это, коллеги, как раз проще всего. Раз-раз-раз – и бегают по улицам Кольки и Польки! Задача-то как раз в том и состоит, чтобы убрать их с улицы, заставить учиться. А потом – отправить в космос.

ПИСАТЕЛЬ. Зачем?

ФУНГИ. Потому что внебрачные. С глаз долой.

ДЕПУТАТ. Вот вы, как я понял, Писатель. Что вы думаете о воспитании детей? У вас должны быть идеи на сей счет.

ПИСАТЕЛЬ. Боюсь, ничего нового. Моему сыну 45 лет.

ДЕПУТАТ (подойдя к Писателю и положив ему руку на плечо). Вы поймите, чудаки, что сейчас мы только закладываем фундамент. А результаты будут лет через двадцать. Может, тридцать. Может, мы их вообще не увидим. Но семена, посеянные нами, обязательно прорастут. Надо только помнить, что родина – одна, и мать – одна.

ФУНГИ (глядя в мобильный телефон). А жена? В интернете пишут, что у вас, типа, две семьи.

ДЕПУТАТ (поколебавшись). Пишут те, кто не способен создать и одной.

ПИСАТЕЛЬ. Наш ответственный друг исправляет демографическую ситуацию в стране.

ФУНГИ. Вот, блин...

ДЕПУТАТ. Что, еще одна семья?

ФУНГИ. Я перепутал... Это про другого депутата. Просто не туда посмотрел.

РАДИО. Передаем выпуск последних известий. Обвальный характер приняла пандемия в Соединенных Штатах Америки. На сегодняшний день уже известно о 40 000 умерших.

ПИСАТЕЛЬ. Да перестаньте же включать это радио!

ФУНГИ. Заметьте: я его сейчас не включал. Оно уже включается само. Живет по своим законам – как коронавирус.

ПИСАТЕЛЬ. Значит, разбейте его!

ФУНГИ (передает радио Писателю). Вы уже разбили телефон – и у вас неплохо получилось. Будете уполномоченным по уничтожению техники.

ДЕПУТАТ. Такой подход к делу считаю асоциальным. Вместо того чтобы оценить катастрофу в ее истинном масштабе и противостоять ей – вы от нее бежите. Вы просто пасуете перед трудностями. В конце концов, радио ни в чем не виновато.

ПИСАТЕЛЬ. Виновато! Весь этот психоз исходит отсюда! (Трясет радио.)

РАДИО (голосом диктора). Поставь меня на место, слышишь?!

ПИСАТЕЛЬ. Нет, это переходит всякие границы!

(Швыряет радио об пол.)

Фунги собирает с пола обломки радио и кидает их в мусорную корзину.

ДЕПУТАТ. Не ожидал такого от вас. Поступок – пораженческий. А у нас остались телефоны, на которых будут отражаться все новости.

Открывается дверь – и Сестра под руку вводит Доктора.

ФУНГИ. Что, внеплановый обход?

ДОКТОР. Сегодня утром я сказал Сестре: «Чувствую, что кто-то из нас обязательно заболеет».

ДЕПУТАТ. И кто же заболел?

ДОКТОР (валится на свободную кровать). Я.

ПИСАТЕЛЬ. Надо же, вы были последним здоровым врачом в этой больнице!

СЕСТРА. Есть и хорошая новость: больше никто из врачей не заболеет.

РАДИО (из мусорной корзины). Тридцать процентов медицинского персонала в Италии больны. В Милане состоялся флэш-моб, во время которого миланцы пели с балконов гимн врачам.

Писатель, Депутат и Фунги подходят к мусорной корзине. Оттуда раздается «Памяти Карузо».

ПИСАТЕЛЬ (Сестре). Вы не могли бы вынести мусор?

СЕСТРА. Поющие обломки радио – это плохая примета. Так часто бывает перед катастрофами. (Плача, уходит с мусорной корзиной.)

ДЕПУТАТ. Что же мы теперь будем делать?

ФУНГИ. Да, без радио нам будет сложнее. Все эти дни оно, это самое, говорило... Скрашивало наше одиночество. И мы ему верили.

ПИСАТЕЛЬ. Ага. Вся эта пандемия – вопрос веры. Когда в XIV веке Флоренция задыхалась от чумы, тела валялись повсюду, просто повсюду – и никакого радио было не нужно!

ДЕПУТАТ. А сейчас? Вы хотите сказать, что если бы о ней не говорили по радио, то мы бы о ней не узнали?

ПИСАТЕЛЬ. Не узнали бы – даже не сомневайтесь!

РАДИО (из окна). Ничего себе – не узнали бы! Сорок тысяч трупов в одних Штатах.

ФУНГИ (глядя в окно). Сестра идет по двору с мусорным пакетом.

ДОКТОР. Писатель прав. На фоне ежегодных смертей жертвы коронавируса были бы незаметны.

ДЕПУТАТ. Сорок тысяч незаметны?

ДОКТОР. Заметны. Если построить их у нас во дворе. А так – нет.

ДЕПУТАТ. А кто же их будет строить – вы? Я? Государство?

ФУНГИ. Да успокойтесь вы! Хуже радио, честное слово.

ДЕПУТАТ. Они даже на ногах не держатся!

ПИСАТЕЛЬ. Всё, дорогой мой, зависит от подачи новостей. Вот постель – это место, где спят. Что еще делают в постели? Зачинают детей.

ФУНГИ (Депутату). Даже депутаты, а?

ПИСАТЕЛЬ. А еще там умирают.

ДОКТОР. В постели много чего происходит.

ПИСАТЕЛЬ. А можно говорить только об одном: там умирают.

ФУНГИ. Нет, нормально: ты себе направляешься в постель, чтобы, типа, зачать ребенка, а тебе кричат: не ложись туда, где все умирают! Кричат: вся пресса об этом пишет! У любого руки опустятся.

ПИСАТЕЛЬ. Сезонный грипп уносит сопоставимое количество жизней, но это – ежегодная сводка, рутина. То, что раньше было статистикой, сейчас представили как новую угрозу.

ДЕПУТАТ. Да ведь умирают же люди – разве это не катастрофа?

ДОКТОР. А в прошлом году – катастрофа? А в позапрошлом? Но об этом никто не говорил.

ПИСАТЕЛЬ. Мы неслись на такой скорости, что теперь всем захотелось остановиться. Кто-то крикнул: пандемия! И все остановились...

Все встают.

ФУНГИ. Просто белка не знала, что можно жить без колеса. Колесо крутилось, пока она его крутила. А перестала – смотрит: всё в порядке. И мир не рухнул!

ДЕПУТАТ. Да как же не рухнул! (Включает телефон, читает.) Паника на биржах. Валюты скачут. Цены на нефть упали до критического уровня. Коллеги, это абсолютный минимум за последние двадцать лет.

ФУНГИ. Вы заменили собой радио. Кончится тем, что вас разобьют.

Звонит телефон Доктора.

ДОКТОР (измененным голосом). Алло... Это не главврач – его нет... Не могу позвать – он на вентиляции легких... Нет, ему вентилируют. (Кладет телефон на тумбочку. Задумчиво подходит к окну.) Меня нет – и мир действительно не рухнул.

ФУНГИ. Считаю, что это надо отметить! У меня есть еще одна бутылка, но это, предупреждаю, последняя.

ДОКТОР. Да у меня в кабинете этих бутылок – знаете сколько! Сейчас схожу. (Выходит.)

ПИСАТЕЛЬ. Исключительно, небось, коньяк.

ФУНГИ. Небось, французский.

ДЕПУТАТ. Интересная тенденция, коллеги: всем носят французский коньяк. Почему не другие напитки?

ФУНГИ. Ну, всем, допустим, не носят. Вот мне почему-то коньяк никогда не дарили – даже отечественный. Молчу уже о французском.

ДЕПУТАТ. А вы, если не секрет, чем занимаетесь?

ФУНГИ. Ну, допустим, пиццу развожу.

ДЕПУТАТ. Французский коньяк за доставку пиццы? Как-то это многовато будет, вам не кажется?

ФУНГИ. А вы пробовали нашу пиццу? Нет, пробовали? Хотите, я сейчас вам ее закажу? (Достает телефон и тут же прячет.) Жаль только, в инфекционную больницу ее никто не повезет.

Входит Доктор с сумкой коньяка.

ДОКТОР. Вот... Угощаю.

ПИСАТЕЛЬ. Что, в самом деле французский коньяк?

ФУНГИ (подойдя к Доктору и заглянув в сумку). В самом деле.

ДОКТОР. А вы французский не любите? Провинция Коньяк.

ФУНГИ. Да нет, любим, любим...

ПИСАТЕЛЬ (закрывая дверь в палату). Так за что мы собирались пить?

ДОКТОР. За то, что мир не рухнул. (Разливает коньяк.) И, если повезет, не рухнет.

ДЕПУТАТ. Что значит – если повезет? У истории есть объективные законы, по которым всё развивается... (Пьет.) Есть, понимаешь, производительные силы и производственные отношения...

ФУНГИ (пьет). Какая чушь – эти ваши производственные отношения!

ДЕПУТАТ. А белка в колесе – не чушь? Я о законах истории, а вы о белках – есть разница?

ФУНГИ. Пока белка крутилась в колесе, это ей казалось законом истории, а перестала крутиться – и ничего. Оказалось, что крутиться в колесе – не закон.

ДОКТОР. Что вы думаете, Писатель, о законах истории?

ПИСАТЕЛЬ. У истории один закон – ритм! Екклесиаст сказал: время разбрасывать камни – и время собирать камни. И дальше: время обнимать – и время уклоняться от объятий.

ФУНГИ. Это – именно то, чем занимается наша Сестра.

ПИСАТЕЛЬ. Пролетарии соединяются – пролетарии разъединяются. Приливы и отливы. Историю определяет ритм.

ДОКТОР. За ритм! (Пьет.)

ДЕПУТАТ. Ну, если так...

ФУНГИ, ПИСАТЕЛЬ, ДЕПУТАТ. За ритм! (Пьют.)

ДОКТОР (Фунги). Ну, как коньяк?

ФУНГИ. Ничего. Но как по мне – водка лучше.

ДЕПУТАТ. Тогда пейте свою водку – кто вам мешает?

ФУНГИ. Ага, вас только спросить забыл. (Лезет под кровать, где лежит его рюкзак с водкой.)

ДЕПУТАТ. Что ни говори – упорный парень!

ФУНГИ (лицо – удивленное). Там, под кроватью, коса...

ДОКТОР. Коса?!

Фунги вытаскивает из-под кровати косу.

ПИСАТЕЛЬ. Коса? Для чего она может использоваться здесь, в палате?

ДОКТОР. Как главврач заявляю: среди инструментов вверенной мне больницы коса не значится. Косить здесь просто нечего.

ФУНГИ. Выбросить ее, что ли?

ДОКТОР. Друзья мои, мы пока не знаем, чья это коса. Может быть, кто-то в ней остро нуждается. Поставьте ее пока куда-нибудь в угол – а там будем разбираться.

ДЕПУТАТ. И вообще, вы вроде бы за водкой лезли.

ФУНГИ. Спасибо, что напомнили. (Достает водку.) Ну, что, давайте уже нальем – хоть водку, хоть коньяк. Главное – выпить.

ДОКТОР. А у меня созрел тост: за нашу болезнь! Посмотрите, какая она у нас замечательная: все мы переносим ее в легкой форме. За гуманную болезнь, которая нас всех свела!

ДЕПУТАТ. А ведь правда: вроде бы попали сюда по чистой случайности, иначе говоря, непреднамеренно. Вместе с тем, представляем, как говорится, разные сферы общества: медицину, культуру, власть...

ФУНГИ. И пищевую промышленность, блин!

ДЕПУТАТ. Какую?

ФУНГИ. Пищевую, пищевую!

ДЕПУТАТ. Услышал, можете так не пищать.

ДОКТОР. За гуманную и, добавлю, умную болезнь, которая нас соединила! Потому что только умная болезнь могла соединить таких людей, как мы.

ПИСАТЕЛЬ. Чай сегодня можно пить без сахара.

ДОКТОР. Но ведь всё, что мы говорим, это правда! Может, для того и существуют болезни, чтобы задуматься о том, какие мы.

ДЕПУТАТ. И услышать правду.

Входит Сестра.

ДОКТОР. А вот и наша Снегурочка! Мы обнаружили, что болезнь бывает полезной, и за это пьем. Присоединяйтесь!

ФУНГИ. А еще мы обнаружили косу. Теперь не знаем, что с ней делать. Не знаем даже, чья она. А вы случайно не знаете?

СЕСТРА. Знаю. (Проводит пальцем по лезвию.) Моя.

ДОКТОР. Ваша?! А зачем она вам здесь?

Сестра хохочет.

СЕСТРА. Пусть постоит, ладно? Она ведь никому не мешает?

ФУНГИ. Вы что будете – коньяк или водку?

СЕСТРА. И то, и другое в равной степени вредно для организма.

ДЕПУТАТ. Коньяк, между прочим, французский. И всем от него только лучше. Всем, кроме Фунги – он пьет водку.

СЕСТРА. То, что болезнь каждого из вас протекает пока легко, ничего еще не значит. Она в любой момент может перейти на совсем другие рельсы.

ФУНГИ. Значит, водка?

СЕСТРА. Коньяк. Когда еще случится выпить французского коньяка?

Доктор наливает Сестре коньяку. Она присаживается на койку Фунги.

ФУНГИ (сидя рядом, интимно). В выборе вами койко-места я вижу некий знак, который мне подсказывает... Который меня настраивает... Тут недавно произносили крылатые фразы – такие, проще говоря, пословицы, которые меня окрылили... Время обнимать – и время уклоняться от объятий. Давайте только сначала выпьем.

ДОКТОР. За тех, кто нас окрыляет!

Все пьют.

ФУНГИ. Так вот – к вопросу об объятиях...

СЕСТРА (Фунги). Да, вы сегодня сказали, что я уклоняюсь от объятий.

ДОКТОР (Сестре). Но ведь вас... Я отлично помню... Когда он это сказал, вас здесь не было!

ПИСАТЕЛЬ. Признайтесь, что вы читаете мысли на расстоянии!

ФУНГИ. Признайтесь! (Приобнимает ее.) Иногда вот так отойдете на расстояние – и читаете...

СЕСТРА. Да нет, что вы. Просто я иногда подслушиваю.

ДЕПУТАТ. Как это – подслушиваете?

СЕСТРА (берет металлическую кружку, прикладывает ее к стене, а к донцу прижимается ухом). Вот так.

ПИСАТЕЛЬ. Но там же... стучат.

СЕСТРА. Нет, это кто-то топор на стену повесил, а он на ветру стучит. Обычная история. Да и слушала я из коридора.

ФУНГИ. Королева! Какая искренность! (Поднимает кружку.) За искренность!

ДЕПУТАТ. За искренность надо пить стоя!

СЕСТРА. Нет, дорогие мои, лучше – лежа. Вы – больные. Если уж мы пьем за искренность, то открою вам, что – тяжелобольные. У вас у всех крайне неблагоприятный прогноз. Край-не!

Наступает полная тишина.

ПИСАТЕЛЬ. Какой?

СЕСТРА. Ох, похвалите женщину за искренность – она вам такого наговорит...

ДЕПУТАТ. Прогноз – какой?

СЕСТРА. Mors.

ФУНГИ (растерянно). Это что такое?

ДЕПУТАТ. Я как-то не расслышал...

ПИСАТЕЛЬ. Mors по-латыни – это смерть.

ДОКТОР. Смерть? Вы уверены?

СЕСТРА. А вы что думали?

ДОКТОР. Морс... Это, по-моему, на третье...

ДЕПУТАТ. Да кто вы, собственно, такая, чтобы давать подобные прогнозы?

ДОКТОР. Се-стра. Медицинская се-стра. Не больше. Но уж, конечно, и не меньше, потому что меньше не бывает.

СЕСТРА. Я не Сестра.

ФУНГИ. А кто же?

СЕСТРА. Я? (Берет в углу косу и медленно направляется к выходу. В дверях оборачивается.) Смерть.

Второе действие

Четверо больных сидят на своих кроватях. Перед ними верхом на стуле – Сестра.

ФУНГИ. Вы – действительно Смерть?

СЕСТРА. Я. Действительно. Смерть.

ПИСАТЕЛЬ. Просто театр абсурда какой-то... А зачем вам этот... (показывает на косу) атрибут? Вы хотите нас испугать?

СЕСТРА. Все вы живете так, будто меня нет! (Плачет.) Потому что, помня о Смерти, нельзя жить так, как живете вы.

ДЕПУТАТ. Я не понимаю, чего вы от нас хотите! Нельзя же постоянно думать о Смерти! В первую очередь нужно думать о Жизни – согласны, коллеги?

СЕСТРА. А Смерть – это часть Жизни. Простите, я приму успокоительное... (Принимает.)

ПИСАТЕЛЬ (подходит к Сестре и гладит ее по голове). Ну, успокойтесь же, успокойтесь... (Целует ее в макушку.) Да, мы живем пошло, согласен, – что делать?

СЕСТРА. У вас ко мне нет ни малейшего (ей изменяет голос)... уважения! И чем лучше вы живете, тем глубже меня прячете! Вы знаете, что в Европе уже не отпевают в открытых гробах?

ДОКТОР. Элементарная гигиена!

ДЕПУТАТ. А, может, вы бы хотели, чтобы мертвые тела публично сжигали? Тогда – милости прошу в Индию!

ФУНГИ. Все – в Индию!

СЕСТРА. Вы ищете для меня самый темный угол. Прячете, как бабушку на семейной вечеринке! (Швыряет косу на пол.) Но теперь этот вирус вернул Смерть в ваши дома. В самых богатых странах каждое утро сообщают о тысячах умерших – и живые уже не могут от этого сбежать!

ПИСАТЕЛЬ. И что же мы теперь должны... делать?

СЕСТРА. Первая просьба – сдать мне мобильные телефоны и часы. Они вам будут только мешать.

Все сдают Сестре телефоны и часы.

ДЕПУТАТ. Простите, но как же мы будем узнавать последние известия? Время, наконец?

СЕСТРА. Там, куда мы направляемся, ничего такого нет.

ДЕПУТАТ. Не хотелось бы создавать впечатление исключительности, но, в конце концов, я депутат и должен доработать до конца срока.

СЕСТРА. Не волнуйтесь, сроки мы пересмотрим. (Записывает что-то в блокнот.)

ФУНГИ. И всё равно – не могу поверить, что вы – Смерть...

СЕСТРА. Это оттого, что мы всё ещё мало знакомы. Вы хотели сближения? Теперь это возможно. Надеюсь, дорогой мой, вы не будете уклоняться от объятий.

ФУНГИ. Тут десять раз подумаешь, прежде чем обниматься.

ДОКТОР. Одну минуточку. В больнице имени Альбера Камю вы числитесь как медсестра, и все эти разговоры о Смерти... Как-то не очень это вяжется со штатным расписанием.

СЕСТРА. Просто по штату у вас нет такой должности – Смерть.

ДЕПУТАТ. А почему вы – как бы правильно выразиться? – опекаете именно нашу палату?

СЕСТРА. Меня приставили к умирающим, которых для удобства собрали в одной палате. Вот и всё.

ДОКТОР. Кто приставил?

Сестра одними глазами показывает вверх.

ПИСАТЕЛЬ. Стойкое впечатление, что мы заблудились где-то за кулисами. И как же ведут себя другие в этой... роли?

СЕСТРА. Тут бывает по-разному. Некоторые вспоминают детство. Иногда слышу такие рассказы, что, верите ли, подступает к горлу ком. (Вытирает глаза.) Некоторые молятся. А есть и те, что впадают в отчаяние. Лежат не вставая. Слёзы у них текут по вискам на подушку. Иногда затекают даже в уши. Это зависит от формы ушей и того, где они размещаются.

ДЕПУТАТ. По моим наблюдениям, уши у всех расположены одинаково.

ФУНГИ. Не обязательно. Вот я служил в армии, и был у нас, короче, один полковник – так у него уши были посажены очень высоко. Очень. Считай, на макушке. Он мог ими даже шевелить.

ДОКТОР. Какое ценное качество!

ФУНГИ. В армии – ценное. Там ведь как: многое обычным способом высказать нельзя – иногда приходится шевелить ушами.

ДОКТОР. Это как эзоповым языком, что ли?

ФУНГИ. Ну да, вроде... Только не языком, а ушами.

ДЕПУТАТ. Поучительная история. (Сестре.) Уважаемая, а можно поинтересоваться, зачем вы нас всех собрали?

СЕСТРА (пожимает плечами). Побеседовать...

ПИСАТЕЛЬ. По большому счету, нам этим нужно было заниматься всю жизнь.

ДОКТОР. А я бы, честно говоря, с большим удовольствием ее отсюда выпроводил. В конце концов – я имею право ее уволить.

СЕСТРА (в сторону). Он даже не понимает, что это невозможно.

Стук топора за стеной. Услышав его, Писатель закашливается, его просто выворачивает. Все начинают суетиться, бьют его по спине, но кашель не прекращается. Он силится что-то сказать, но не может.

СЕСТРА (всем). Да прекратите же! (Делает Писателю укол под лопатку и укладывает его на кровать.)

Писатель лежит неподвижно.

ДОКТОР. Мне страшно. По-моему, он умирает.

СЕСТРА. Он умрет только после окончания нашего разговора. (Писателю.) А пока я попрошу вас не умирать. (Всем.) Ну, что вы все окаменели? Разговаривайте о чем-то – так ему будет легче!

ФУНГИ. Приезжает, короче, генерал из столицы. Проверяет, да? Ну, и наш полковник ему докладывает, что всё, мол, на местах в порядке. А сам ушами шевелит. То есть, в порядке, но – не всё. Тут генерал, конечно, сразу смекнул, что армейское имущество распродается за бесценок.

ДОКТОР. И это – по ушам?

ФУНГИ. Если бы только это. (Понизив голос.) Он смекнул также, что в случае, если он закроет на всё глаза... Ну, вы меня понимаете.

ДОКТОР. Так чем эта история кончилась? Генерал смекнул – а дальше что?

ФУНГИ. Да ничего особенного. История ведь не о генеральской смекалке, а о том, как много можно выразить ушами.

ДЕПУТАТ. М-да... Полезная информация. (Сестре.) А о чем вы хотели с нами беседовать?

СЕСТРА. О чем-нибудь несиюминутном, настоящем.

ФУНГИ. А в мире настоящего-то очень мало – одни подделки.

ДОКТОР. Может, тогда о ненастоящем? Только конкретно, без общих фраз.

СЕСТРА. Да, пожалуйста, конкретный пример... Несколько дней назад Фунги с Писателем отправили по электронной почте письмо. Совершенно фантастическое содержание. Всё – неправда! (Фунги) Вам не стыдно перед Баожей?

ФУНГИ. Это почему же мне должно быть перед ней стыдно?

СЕСТРА. Потому что вы заставляете женщину ходить на площадь Тяньаньмэнь или, там, кормить мужа – в то время как ее просто нет.

ФУНГИ. Да она мне снится каждую ночь! Я ее, можно сказать, вижу наяву!

ПИСАТЕЛЬ. Он чувствует своих героев. У нашего Фунги есть всё, чтобы быть писателем.

ФУНГИ. Они думают, что я всю жизнь мечтал развозить пиццу!

СЕСТРА. И вообще – все эти шпионы, теория заговора... (Писателю.) Неужели вам интересно заниматься такой ерундой перед Смертью?

ПИСАТЕЛЬ. Мне интересны детали. Запах свежезапеченных карасей в сметане, рябь на реке. Интересно рассказать о славном парне по имени Сунь. (Кашляет.)

ФУНГИ. Он ведь мокрым шел домой – до ниточки! В башмаках чавкала вода.

ПИСАТЕЛЬ. И эта раздача карасей! Четкие, выверенные движения. Точный психологический расчет, полная уверенность в том, что всё расхватают. (Кашляет.) Всё – до последнего карася.

ФУНГИ. Влажные порочные губы шевелятся, подсчитывая розданное. Блестящие и дрожащие, как щупальца. Считающие и шепчущие.

ПИСАТЕЛЬ. Мощно, ощутимо, щемяще!

ДЕПУТАТ. Вот оно – писательское слово. Пандемии как локомотивы литературы.

СЕСТРА. Ваши выдуманные люди не могут даже умереть!

ПИСАТЕЛЬ. Вот именно: нас, настоящих, не будет, – а они, выдуманные, останутся!

ФУНГИ. Римский нос, узкие, словно острие скальпеля, глаза, мгновенный взор из-под фуражки.

ПИСАТЕЛЬ. Да какие мы, если разобраться, настоящие?

СЕСТРА. Ну, вы уж тоже не преувеличивайте. Вы – настоящий писатель, известный человек.

ПИСАТЕЛЬ. А вы знаете, что за последние пятнадцать лет я ничего не написал?

ДОКТОР. Я тут недавно вашу книжку купил. Не читал пока, но купил – датируется этим годом.

ПИСАТЕЛЬ. Это всё – старое или перелицовки старого. А так, чтобы сесть и что-то всерьез написать, – этого не было уже полтора десятка лет. (Кашляет.) Удивительно, но перед лицом Смерти мне не стыдно в этом признаться.

ДЕПУТАТ. Так какой же вы писатель, если столько лет не пишете? Вы просто фейк какой-то. Почему читатели считают вас – как это называется? – властителем дум?

ПИСАТЕЛЬ. Потому что читатели – не читают. Они тоже, как вы выражаетесь, фейк.

ФУНГИ. По-моему, всё логично: писатели не пишут, читатели не читают. Вот, Доктор купил книгу – но ведь не читал!

ДОКТОР. Да, не читал. И тоже этого не стесняюсь. Потому что работаю двадцать пять часов в сутки.

СЕСТРА. Не пишут, не читают, не стесняются.

ДЕПУТАТ. Сказать по правде, коллеги, я бы хотел узнать план сегодняшнего мероприятия.

ФУНГИ. Мероприятие воспитательного характера. Пусть каждый из ребят расскажет о себе... Потом – танец маленьких утят. В завершение – сценки из

отрядной жизни на фоне костра.

ПИСАТЕЛЬ. А ведь недурная мысль: самое интересное – играть себя. Смотришь на себя как бы со стороны. Очень даже полезно.

ДОКТОР. А, по-моему, что бы ты о себе не играл – получается, что ты вроде как хороший. Мы же всё время себя играем. И всё время – хорошие.

ПИСАТЕЛЬ. Тогда усложним задачу – сыграем наоборот.

ДОКТОР. Как это?

ПИСАТЕЛЬ. А так, что ты вроде как плохой. Здесь, конечно, потребуются признания.

СЕСТРА. Вот вы спрашивали о плане, Депутат. Предлагаю с вас и начать.

ФУНГИ. Отличное предсмертное мероприятие.

ДЕПУТАТ. Что ж... Признаюсь, что на днях проехал на красный свет – и тем самым привлек внимание поста ДПС. Признаюсь также, что часто езжу на красный свет. Обычно мне достаточно предъявить депутатское удостоверение – и меня отпускают.

ФУНГИ. А тут не сработало?

ДЕПУТАТ. Всё дело в том, что у меня обнаружили температуру. Красный свет бы мне, конечно, простили. Но температуру – никогда. Полицейские были очень взволнованы и приказали мне следовать за ними. Я проследовал – и вот, коллеги, я здесь!

СЕСТРА. Фунги мог бы изображать сотрудника ДПС, а Депутат – депутата.

ФУНГИ (хлопает в ладоши). Поехали!

ДЕПУТАТ. Мчусь – скорость под двести!

ПИСАТЕЛЬ. Что вы испытываете?

ДЕПУТАТ. Упоение скоростью!

ПИСАТЕЛЬ. Еще!

ДЕПУТАТ. Плевать я хотел на всех сотрудников ДПС!

СЕСТРА. Вы видите светофор...

ДЕПУТАТ. Я вижу светофор!

ПИСАТЕЛЬ. А мы – не видим! Мы – не видим! Описывайте!

ДЕПУТАТ. Впереди – красный свет. Он растекается по горизонту заревом заката, он занимает собой всё небо!

ПИСАТЕЛЬ. Фунги – вступаєте! Соблюдаете спокойствие. Вы таких, как он, на завтрак едите.

ФУНГИ. Ну, разумеется, этот красный свет видели и мы на посту ДПС. Как видели и машину Депутата. В его глазах не было ничего, кроме презрения к правилам дорожного движения. «Он что – больной?» – спросил меня напарник. «Сейчас проверим», – ответил я.

ДЕПУТАТ. Остановив меня, полицейские предложили мне измерить температуру. «38 и 6», – сказали они. Я показал им депутатское удостоверение, они удостоверились, но отказались меня отпускать. Их было двое, и я предложил им триста долларов. Всё, что было у меня в кармане. Я не хотел вам это рассказывать...

СЕСТРА. Но это же взятка!

ДЕПУТАТ. Мне тоже так показалось.

СЕСТРА. А что они?

ДЕПУТАТ. Они? Воскликнули хором: «Ни за что!» И глаза их были на мокром месте.

ПИСАТЕЛЬ. Шутите?

ДЕПУТАТ. Шучу... Я предложил им триста долларов. Они посоветались и сказали: «Каждому!». Я ответил, что расплатиться сейчас не в состоянии.

ПИСАТЕЛЬ. Итак, Депутат оказался не в состоянии дать требуемую сумму. (Фунги.) Ваши действия?

ФУНГИ. Я ему спокойно так говорю: в таком состоянии вы не можете следовать туда, куда хотели.

ДЕПУТАТ. А куда же мне следовать?

ФУНГИ. Туда, куда, видимо, не хотели.

СЕСТРА. То есть – в инфекционную больницу имени Альбера Камю?

ДЕПУТАТ. Именно... (Вытирает пот со лба. Сестре.) У вас термометр при себе?

СЕСТРА. Вам же уже измерили температуру – хотите еще?

ДЕПУТАТ. Да. Что-то мне жарко.

Депутат меряет температуру, передает термометр Сестре.

СЕСТРА. Так я и знала – 39 и 5. (Достает из сумки таблетки, приносит стакан с водой.) Выпейте жаропонижающее. Это поможет.

ФУНГИ. Временно.

СЕСТРА. Фунги, а вам что, совсем уж нечего рассказать?

ФУНГИ. Ну, почему же? Мы тоже кой-чего изобразить можем. Я, например, пиццы просроченные вожу. Наша фирма покупает их за бесценок в супермаркете. (Изображая фокусника.) Кладем кусочек ветчины или грибок какой-нибудь, спрыснем соусом – и в печь.

ДОКТОР. А потом?

ФУНГИ. А потом я их развожу. Если честно – мой конфликт с будущей женой был вызван именно этим. Ей этот бизнес не нравился.

СЕСТРА. Подождите! Это должна быть поучительная сцена. Я готова сыграть вашу будущую жену. (Заливается истерическим хохотом.)

ФУНГИ. Нет, теперь она настоящая. Или бывшая – на тот случай, если мы уже не увидимся.

ПИСАТЕЛЬ. Будущая в прошедшем. Как возник конфликт?

ФУНГИ. Как всегда – из ничего. В тот вечер она занималась переупаковкой пиццы. Сказала мне...

СЕСТРА. Сказала: из продуктов низкого качества ты хочешь...

ФУНГИ. Нет, так она не говорила. Вот ее точные слова: «Ты хочешь из говна сделать пулю. С этим пора завязывать». «Ну, слушай, давай в последний раз, – предложил я. – Раз уж закупили, то надо же как-то это реализовать». Она типа успокоилась и говорит: «Ну, ладно. Давай в последний раз». Приезжаю я к клиенту – состоятельный человек средних лет...

СЕСТРА. Подождите секунду. (Показывает на Депутата.) Такой?

ФУНГИ. Тот как-то значительнее был. Но в целом – похож. Вот так же через губу разговаривал.

СЕСТРА. Господин Депутат, вы можете поучаствовать в нашей постановке?

ДЕПУТАТ. Это ваша личная просьба?

СЕСТРА. Можете считать, что да.

ФУНГИ (Депутату). Я не хотел вас обидеть. Просто тот был как-то больше похож на депутата.

ДЕПУТАТ. То есть – вы не верите, что я депутат?

СЕСТРА. Давайте не ударяться в амбиции! Я сразу поняла, что у вас возникла – ну, такая как бы вражда. Просто предсмертный антагонизм какой-то!

ПИСАТЕЛЬ. Сдержите свои эмоции, Депутат. Откройте ему дверь. Поздоровайтесь. Можете что-нибудь спросить для разрядки.

ДЕПУТАТ (открывает воображаемую дверь). Добрый вечер. Вы на какой помойке эту пиццу нашли?

СЕСТРА. Подождите-подождите. Каким образом вы определили качество пиццы?

ДЕПУТАТ. По запаху.

ФУНГИ. Не выдумывайте – потому что пиццы там не было. Там была «Мать» Горького.

ДЕПУТАТ. И пахла она – ой-ой-ой! Странное дело... Мне кажется, что сейчас я не чувствую запахов.

СЕСТРА. Это признак болезни – со всеми вытекающими. Но как вы поняли, что не чувствуете запахов?

ДЕПУТАТ. Вот от него (принюхивается к Фунги) всегда несет перегаром...

ФУНГИ. Это ложь!

ДЕПУТАТ. А сейчас я ничего не слышу.

ФУНГИ. Просто вы не хотите доигрывать эту сцену, потому что она показывает, что вы – лжец.

ДЕПУТАТ. Заткнитесь! Я ее из принципа доиграю, даже если умру! Что там было дальше?

ФУНГИ. Вы протянули мне чаевые.

ПИСАТЕЛЬ. Протягивайте.

Депутат достает из нагрудного кармана купюру и протягивает Фунги.

ФУНГИ (засовывая купюру в карман штанов). Спасибо – это лишнее.

ДЕПУТАТ. Если лишнее, так что же вы берете? Если лишнее – верните!
(Писателю.) Так ведь?

ПИСАТЕЛЬ. Видите ли, это – логика парадокса. Фунги – человек контрастов. Да, он берет деньги – но в то же время подчеркивает свое равнодушие к ним.

ФУНГИ. Потом по моему настоянию он открыл коробку.

ПИСАТЕЛЬ (Депутату). Открывайте. Ваше лицо выражает любопытство. Вы заинтригованы.

ДЕПУТАТ (открывает воображаемую коробку с заинтригованным видом). Нечто совершенно несъедобное.

ПИСАТЕЛЬ (Фунги). Возвращаетесь вы домой. Здесь разыгрывается финальная сцена с вашей будущей женой. Какой вопрос вы ей задали?

Фунги говорит что-то на ухо Сестре.

СЕСТРА. Понятно. Слова были горькими. Общий смысл их таков: мы же договаривались, что это будет в последний раз! А она ответила: вот я и позаботилась, чтобы это было в последний раз!

ПИСАТЕЛЬ. И после этого вы на ней женились.

ФУНГИ. Нет, не после этого. В порядке исповеди скажу, что сначала я ей врезал.

СЕСТРА. Так я и знала. Еще когда вы в первый раз всё это рассказывали, я подумала: не мог же он ей не врезать! (Фунги.) Это вас не красит.

ДОКТОР. Я думаю, это никого не красит. Вы можете себе представить, например, чтобы так поступил Писатель?

Сестра раздражается хохотом.

ДЕПУТАТ. Писатель? Исключается.

ПИСАТЕЛЬ. Что ж... Мы продолжаем исповедоваться? (Кашляет.) Так ведь я примерно так и поступил. Только у них это кончилось браком, а у нас – разводом.

ДОКТОР. Приехали...

СЕСТРА. Если не возражаете, я сыграю вашу жену.

ПИСАТЕЛЬ. Да, если не затруднит... А дело было так. Мы сидим вторую неделю на карантине. Нервы на пределе. У меня не пишется очередной роман. У меня пятнадцать лет уже ничего не пишется. И тут она меня спрашивает...

СЕСТРА (изображая жену Писателя). Ботинки опять не в шкафчике для обуви?

ПИСАТЕЛЬ. Я ей тихо отвечаю: что?..

СЕСТРА (кричит). Ботинки опять не на месте?

ПИСАТЕЛЬ. Она сказала это намного тише. Но это стало последней каплей. Я вытряхнул из шкафчика всю обувь, затем все полки – и засунул туда ее. (Сестре)
Сыграть это непросто.

СЕСТРА. В целом ситуация понятна. Да и нет у нас такой мебели.

ДОКТОР. Можем притащить шкаф из коридора. Там есть большой.

ПИСАТЕЛЬ. Думаю, в этом нет необходимости. В искусстве лучше недосказать, чем сказать слишком много. Да и играть, если честно, надоело.

Всеобщее молчание.

ДОКТОР. А можно – без игры? Просто исповедаться?

СЕСТРА. Мы вас слушаем, Доктор.

ДОКТОР. Начну с того, что я появился на свет в семье врачей. Поэтому мне пришлось окончить мединститут. Писатель, я внятно излагаю?

ПИСАТЕЛЬ. Вполне. Итак, вы учились в мединституте...

ДОКТОР. Я в нем не учился. Я его именно что окончил.

ПИСАТЕЛЬ. А как же вы могли быть врачом, не учась в мединституте?

ФУНГИ. Не забывайте, что он был главврачом. Дело главврача – руководить.

ДОКТОР. А сейчас, в силу обстоятельств, мне пришлось взяться за больных самому.

СЕСТРА. Отсюда, дорогие, небольшой, в сущности, репертуар назначений: витамины В6 и В12. Должна сказать, что решение главврача было гуманным: ни один из этих уколов радикально навредить не может.

ДОКТОР. Однозначно – не может. По поводу витаминов я проводил обширные консультации.

ДЕПУТАТ. Выходит, что всё это время мы находились здесь, не получая лечения?

ДОКТОР. Формально говоря, да.

ДЕПУТАТ. Что значит – формально?

ДОКТОР. Значит, что, не получая лечения, вы избежали неоправданного вмешательства в ваш организм. Оно могло нанести вам серьезный вред.

ФУНГИ. В конкурсе признаний вы выходите на первое место.

СЕСТРА. Bravo, Доктор! Ничего сопоставимого мы уже, пожалуй, не услышим.

Все аплодируют.

ДЕПУТАТ (после паузы). А ведь я на самом деле не депутат.

ДОКТОР. А кто же вы?

ДЕПУТАТ. Сейчас это не имеет значения. В данном случае важно, что я – не депутат.

ДОКТОР. Но ведь вы показывали нам свое депутатское удостоверение.

ДЕПУТАТ. Я всегда показываю свое депутатское удостоверение.

ПИСАТЕЛЬ. Знаете, вот когда вы его в первую же минуту достали, я почему-то подумал, что вы не депутат. Депутату нет необходимости показывать свое удостоверение налево и направо.

ФУНГИ. Я, между прочим, сразу сказал, что это дешевая подделка.

ДЕПУТАТ. Согласен, документ не самый удачный: бывали у меня и получше. Всякий раз, когда его предъявляю, у меня по спине течет холодный пот.

СЕСТРА. Зачем же вы его предъявляете?

ДЕПУТАТ. Это мой бизнес. Я предъявляю удостоверение и говорю, что готов посодействовать в получении хорошей должности.

ПИСАТЕЛЬ. И что же происходило с теми, кого вы обещали устроить?

ДЕПУТАТ. Ничего. В том-то и дело. Они мне давали деньги – и мы расставались навсегда. Самым, пожалуй, важным было вовремя слинять. Род моих занятий требовал активного перемещения по стране.

СЕСТРА. Вы давали людям заведомо невыполнимые обещания – и брали с них деньги! Вы не думали, что перед Смертью вам будет за это стыдно?

ДЕПУТАТ. Если бы мне продлили жизнь, я бы давал такие обещания бесплатно.

СЕСТРА. Я скоро вернусь. (Берет косу и выходит.)

ДОКТОР. В конце концов, этих людей никто не принуждал давать ему взятку. А если дают – кто же откажется?

ПИСАТЕЛЬ. Вот генерал отказался. Правильно я вас понял, Фунги?

ФУНГИ. Да, от этой взятки генерал отказался.

ДЕПУТАТ. Что ж, я рад, что у нас в армии есть такие генералы.

ФУНГИ. Генерал потребовал у полковника другую взятку. Когда полковник услышал сумму, его уши перестали шевелиться. Навсегда.

Входит Сестра. Она не в халате: на ней длинное черное платье, остроносые туфли на шпильках, волосы гладко уложены, в руках – коса. На косе – черный бант.

ФУНГИ. Да вы красавица!

СЕСТРА. Старалась. В этот вечер мне захотелось сделать для вас что-то приятное. (Откладывает косу, садится на стул.) Не будем больше о грустном. Мне хочется, чтобы вы ушли умиротворенными. Давайте вспоминать хорошее. Только хорошее, господи!

ДЕПУТАТ. Лучшие воспоминания моей жизни относятся к детству. В выходные рано утром мы с бабушкой шли на рынок. Закончив с покупками, она всякий раз покупала мне свистульку. И это было счастьем.

ДОКТОР (Сестре). Мне что-то трудно дышать... Я задыхаюсь...

ДЕПУТАТ (Сестре). Да подключите же его к аппарату!

СЕСТРА. Это переходит всякие границы! Одного спасла, другого... Сколько же можно? Вы, кажется, забываете, что у меня другие задачи. Можно сказать, прямо противоположные. В конце концов, это так естественно, если он сейчас умрет. (Рыдает.)

ФУНГИ. Просто они пользуются вашей добротой.

СЕСТРА. Вы должны умирать естественным путем. По моему сценарию – сразу после нашего разговора. Вы покаетесь, вспоминаете сейчас о хорошем – почему бы после этого не умереть? Что, прикажете потом вас топором рубить?

ПИСАТЕЛЬ. Вы же сестра милосердия! Ми-ло-сер-дия.

СЕСТРА. Мое милосердие в том, что я приготовила вас к Смерти. (Укладывает Доктора на кровать и подключает его к аппарату ИВЛ. Все замерли и смотрят. Сестра, обращаясь к Фунги.) Ну, расскажите что-нибудь, что же вы замолчали так не вовремя!

ФУНГИ. Могу о свистульках.

СЕСТРА. Да о чем угодно!

ФУНГИ. Жил, короче, в Москве народный умелец, занимался изготовлением свистулек. Советская власть поддерживала самородков и подарила свистульщику огромную мастерскую на улице Горького.

ПИСАТЕЛЬ. Да зачем ему такая?

ФУНГИ. Так ведь и незачем. Поскольку кроме свистулек он не умел делать ничего, в большой мастерской он начал лепить большие свистульки. Вот такие... (Показывает.)

ДЕПУТАТ. Жизнь сложилась так, что от всех моих детских свистулек осталась только одна. Я иногда в нее свищу. (Достает из кармана свистульку и свистит.)

ПИСАТЕЛЬ (в ужасе показывает на Доктора). Он тоже... свистит...

Все молча слушают хрипы и свисты Доктора.

ФУНГИ. А я помню день, когда впервые попробовал пиццу. Девочка, которая меня угостила, была моей одноклассницей. Мы зашли к ней после уроков – и ели пиццу.

СЕСТРА. С грибами?

ФУНГИ. С грибами. Мы дружили с ней до окончания школы. И наши родители думали, что мы будем всю жизнь вместе. А потом она уехала в Москву – и вышла

замуж за словоруба.

ДЕПУТАТ. За кого?

ФУНГИ. Он вырубал надписи на надгробиях.

Доктор жестами дает понять, чтобы отключили аппарат, и Сестра отключает. Доктор приподнимается на кровати. Вытирает набежавшие слёзы. Просит воды. Пьет.

ДОКТОР. А я мечтал, что не стану врачом. Потому что в моей семье все – врачи.

ДЕПУТАТ. Врач – это благородно. Вы не пытались полюбить эту профессию?

ДОКТОР. Пытался. Однажды пошел на лекцию знаменитого патологоанатома. Он заявил, что главное, с чем должен бороться врач, это брезгливость. Перед ним на кафедре стояла моча в мензурке. Он сунул в нее палец, а потом облизал его. И сказал, что тот, кто это повторит, – настоящий врач. И я вышел – и повторил.

ПИСАТЕЛЬ. По-моему, это маленький подвиг.

ДОКТОР. Патологоанатом обнял меня и сказал: «Да, врач должен быть небрезгливым. Но он должен быть еще и внимательным: я окунул в мензурку один палец, а облизал другой». В аудитории был дикий хохот.

СЕСТРА. Грустно... А счастье – было?

ДОКТОР. Дайте подумать... Наверное, я испытал его в поезде. Он остановился ночью на станции Конотоп. Я лежал на верхней полке. Издалека раздавались гудки тепловозов, а две мои соседки вели неторопливый разговор шепотом. И я понял, что мир может быть уютным и тихим. Что его можно любить.

СЕСТРА. Скажите, Писатель, с чем были связаны ваши мечты? И можете ли вы перед Смертью сказать, что были счастливы?

ПИСАТЕЛЬ. Мне хотелось найти для мира такое слово, от которого он бы расплакался, и эти слёзы смыли бы всю его грязь. И мне казалось, что я близок к этому слову. Что еще чуть-чуть – и я найду его, и мир обольется слезами над моим вымыслом.

ФУНГИ. Нашли?

ПИСАТЕЛЬ. Не нашел. И перестал писать. То есть, я пишу сценарии для мыльных опер, детективов и ситкомов, но над моими словами никто не плачет.

ДЕПУТАТ. Я думаю, даже не смеется: после реплик смех там включается автоматически.

ПИСАТЕЛЬ. И в титрах нет моей фамилии, потому что я запретил ее ставить. Но иногда во сне я слышу то золотое слово, которое так и не смог произнести. Очень редко слышу. Но это – минуты настоящего счастья.

ДОКТОР. Если бы нам не предстояло умереть, я бы пошел на курсы фельдшеров.

За окном слышен звук полицейской сирены. Хлопанье дверей автомобилей.

ФУНГИ (глядя в окно). Две машины – полицейская и скорая.

ДЕПУТАТ. Срочный вопрос, коллеги: ключ от черного хода – у кого? (Надевает медицинскую маску.) Впрочем, сейчас это уже не имеет значения.

В палату рука об руку входят Полицейский и Психиатр (дама).

Улыбаясь, пересекают палату по диагонали.

ПСИХИАТР. Добрый день, господа. Как удачно, что мы не опоздали. (Сестре.) Да, Тонечка? (Кладет ладонь на ручку косы.) А острый предмет отдашь? (Осторожно вынимает косу из рук Сестры.)

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Здорово, Депутат! (Защелкивает на Депутате наручники.)
Когда мне сказали, что сюда поместили Депутата, я сразу, блин, понял, что это ты. Сними-ка маску.

ПИСАТЕЛЬ. А почему вы, собственно, тыкаете?

ДЕПУТАТ. Мы – старые друзья, ему можно.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Я говорю – маску сними!

ДЕПУТАТ (стаскивает маску). Договорились.

ФУНГИ. Остается договориться с вирусом. (Полицейскому.) Вы же первый и заразитесь.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Достали уже с этим вирусом! Нет его больше. А, может, и не было.

ПСИХИАТР. Пандемия закончилась... Вы не знали?

ДОКТОР. Писатель разбил радио... Случайно. А она (кивает в сторону Сестры) забрала все наши телефоны.

ФУНГИ. Тоже – случайно.

ПСИХИАТР. Это мы можем – да, Тонечка?

ДЕПУТАТ. Значит, она... не Смерть?

ПСИХИАТР. Ну, это уж как посмотреть. Когда Тонечка сбежала из психоневрологического интерната в прошлый раз, мы имели три трупа.

СЕСТРА (рыдая). Два.

ПСИХИАТР. Три. Один умер позднее в реанимации.

СЕСТРА. А, ну, тогда – три.

ПСИХИАТР. А Тонечка убедила вас, что она – Смерть?

ДОКТОР. Теперь в это невозможно поверить: четыре взрослых человека, один с высшим медицинским образованием...

СЕСТРА. Это у кого же тут медицинское образование?

Полицейский приковывает Депутата к батарее и производит осмотр помещения. Заглядывает во все углы и под кровати.

ПСИХИАТР. Видите ли, люди с психическими отклонениями нередко обладают гипнотическими способностями. Эти механизмы еще не вполне изучены.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Топора нет. Коса есть, а топора нет.

ПСИХИАТР. В прошлый раз Тонечка убивала топором.

СЕСТРА. Я никого не убивала – переправляла через Стикс, только и всего. После покаяния, естественно.

ПСИХИАТР. Извини, детка, я забыла. Просто мне казалось, что ты предпочитаешь топор.

Из-за стены доносится стук топора.

ФУНГИ. Ну, что, Доктор? Пойдете теперь в школу фельдшеров?

ДОКТОР. Да, конечно. Вот только наведу порядок в больнице... А потом – обязательно пойду.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. А у тебя, Депутат, полная непруха. (Показывает на Сестру.) Мы же из-за нее приезжали. Про тебя я только по дороге узнал.

Сестра хохочет.

ДЕПУТАТ. Капитан, а вы не хотели бы стать майором?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Не знаю, не думал как-то... (Психиатру.) Ну, что, отваливаем по мусоропроводу? Вы ее паковать собираетесь?

ПСИХИАТР. Паковать?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Где там ваша смирительная – вы же ее не так повезете? Если надо – дам вам наручники. (Кивает на Депутата.) Вот с него снимем. Я ему доверяю.

ПСИХИАТР. Да что вы, зачем? Посмотрите на Тонечку – кого она тронет?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. В самом деле. А три трупа?

ПСИХИАТР. Ну, это истории атмосферные. Ничего общего.

Фунги подходит к Сестре.

ФУНГИ. А я ведь на самом деле подумал, что вы – Смерть. Но о том, что каялся – не жалею.

СЕСТРА (кладет ему голову на плечо). Фунги, а можно, я тоже покаюсь? Я ведь вас всех обманула. Смерти – нет. Просто, для того чтобы это понять, нужно умереть.

ФУНГИ. А я даже рад, что вы всё это придумали.

ПИСАТЕЛЬ. И я рад. И пандемии рад. Если бы ее не было, ее тоже нужно было бы придумать. Она нас всех перевернула.

ДЕПУТАТ. Отныне все мы будем не те!

ДОКТОР (Писателю). И чем же вы теперь займетесь?

ПИСАТЕЛЬ. Я? Если выздоровею – пойду, пожалуй, развозить пиццу.

ДОКТОР. Ну, что вы треплетесь? Никуда вы не пойдете.

ПИСАТЕЛЬ. Не пойду. (Фунги.) А чем займетесь вы?

Полицейский приносит телефоны и раздает владельцам. У Доктора звонит телефон. Прикрыв рукой трубку, он разговаривает.

ФУНГИ. Попробую стать писателем.

ДОКТОР. Мне тут сейчас позвонили – требуется два слова для прессы. Просили, чтобы выступил кто-нибудь из начальства. Я бы не хотел – пойдут вопросы, ну, вы понимаете...

ДЕПУТАТ. В настоящее время я бы тоже предпочел воздержаться.

СЕСТРА. Может, я скажу?

ПСИХИАТР. А что? Мне кажется, у Антонины получится.

Сестра выходит на авансцену. Шум толпы. Сестра поднимает руку, призывая всех к спокойствию.

СЕСТРА. Вот тут кто-то сказал, что все мы будем не те. Депутат сказал...
Потеряла мысль... И, кстати, Депутат был не депутатом, хотя сам –
представительный мужчина и все такое. А, вспомнила: так мы ведь и были не те.
Все. Ни одного настоящего. А теперь, получается, снова будем не те? Он что...
Ненормальный?

Занавес.

Пародист

Пьеса в 2-х действиях с прологом

Действующие лица:

ЖЕНА, 43 года

МУЖ, 45 лет

БУБЕНЦОВ, 45 лет

МАССАЖИСТКА, 25 лет

СПОРТСМЕН, 27 лет

ИНСПЕКТОР ДПС, без возраста

Пролог

На стремянках друг против друга стоят две фигуры в длинных плащах – черном и белом. На спинах стоящих заметны крылья. Нет ни малейших признаков того, что один – Инспектор ДПС, а второй – Спортсмен. Инспектор развивает свиток.

ИНСПЕКТОР. Вы же видите, что здесь написано: «Каждый...» Читаю в переводе, потому что по-латыни это звучит иначе... «Каждый – кузнец своего счастья».

СПОРТСМЕН. Какое-то время, может, и кузнец. А потом его, это самое, кто-то по голове – тюк...

ИНСПЕКТОР. Кто?

СПОРТСМЕН. Да хоть кто... Какой-нибудь другой кузнец.

ИНСПЕКТОР. Как это – тюк? Как это, спрашивается, – тюк?

СПОРТСМЕН. Ну, молотом, например, – если кузнец. А черепушка – шпок! – и на равные доли... Вот, собственно, и всё.

ИНСПЕКТОР. Всякий кузнец своего счастья хотя бы потому, что даже молот опускается на его голову неслучайно. Значит, он предпринял для этого какие-то усилия.

СПОРТСМЕН. Ну, знаете ли, я молчу.

ИНСПЕКТОР. Мое предложение: давайте молчать оба.

СПОРТСМЕН. Человек гибнет под ударом молота – или, там, другого тяжелого предмета – а вы куражитесь. Обвиняете его в собственной гибели.

ИНСПЕКТОР. Я, заметьте, продолжаю молчать.

СПОРТСМЕН. А я подумаю и еще что-нибудь скажу. Попозже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/vodolazkin_evgeniy/sestra-chetyreh

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)